

© 2021

Д.Б. Эпштейн¹

ЭНГЕЛЬС О ПЕРСПЕКТИВАХ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ДЕНЕГ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ И ПРАКТИКА РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА*

Ключевые слова: Фридрих Энгельс, социализм, коммунизм, уничтожение частной собственности, исчезновение товарно-денежных отношений, СССР.

Постановка проблемы: как рождалось и чем обосновывалось предсказание Энгельса об исчезновении товарного производства при социализме

Прежде чем перейти к непосредственному обсуждению вопроса, поставленного в заголовок статьи, необходимо отметить, что Фридрих Энгельс – не только великий продолжатель совместной с Марксом деятельности по формированию международного коммунистического движения, не только редактор рукописей второго и третьего томов «Капитала» и популяризатор марксизма, но и автор ряда основополагающих и замечательно четких формулировок политэкономии капитализма и обоснования социализма.

Таковы формулировки основного противоречия капитализма как противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, а также противоречия между организацией производства на капиталистической фабрике и анархией производства во всем обществе. Эти формулировки есть у Энгельса в «Анти-Дюринге» (Энгельс, 1961b. С. 282-287) и в работе «Развитие социализма от утопии к науке»², но их нет в «Капитале» Маркса. В дальнейшем Энгельс не только довел до завершения рукописи второго и третьего тома «Капитала», но увидел и отметил в своих работах «практически все те тенден-

¹ **Эпштейн Давид Беркович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института аграрной экономики и развития сельских территорий Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра РАН (СПб ФИЦ РАН), г. Санкт-Петербург, Россия (epsteindb@gmail.com).

***Цитирование:** Эпштейн Д.Б. (2021). Энгельс о перспективах товарного производства и денег при социализме и практика реального социализма // Вопросы политической экономии. № 3 (27). С. 70-93.
DOI: 10.5281/zenodo.5554095 (<https://zenodo.org/record/5554095>)

² «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе» (Энгельс, 1961а. С. 217). Обращаем внимание читателей на то, что работа «Развитие социализма от утопии к науке» представляет собой три главы книги «Анти-Дюринг», переработанные Энгельсом по просьбе П. Лафарга и изданные в 1880 году.

ции, которые с очевидностью выступили на поверхности капиталистического общества в дальнейшем, в эпоху империализма, а затем и «позднего капитализма»¹.

И формулировки, даваемые Энгельсом (как и Марксом) в отношении перспектив товарного производства и денег при социализме и коммунизме, под которым понимается уничтожение частной собственности, также стали классическими. Речь идет, прежде всего, о формулировках в работах «Анти-Дюринг» и «Развитие социализма от утопии к науке». Энгельс, как и Маркс, полагал, что в будущем обществе, идущем на смену капитализму, происходит уничтожение (снятие) частной собственности, устраняется обособленность множества производителей, и товарное производство (производства для обмена) прекращает свое существование. Соответственно, деньги не понадобятся, так как общество непосредственно и просто (прямо) будет определять то количество труда, которое требуется для производства того или иного вида продукции: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» (Энгельс, 1961а. С. 294). Между тем, и в СССР, и в других социалистических странах ликвидация частной собственности на средства производства не привела к уничтожению товарно-денежных отношений. Оказалось, что отмены частной собственности и даже построения всеохватывающей системы планирования производства и распределения для этого недостаточно. Более того, товарно-денежные отношения развивались по мере развития и усложнения социалистической экономики, а развитие товарно-денежных отношений и основанных на них формах материального стимулирования рассматривалось как основной способ повышения эффективности производства наряду с совершенствованием планирования.

Уже в советское время стало понятно, что причиной сохранения товарно-денежных отношений при отсутствии частной собственности и господстве общественной собственности на средства производства является относительная экономическая обособленность производителей, которая, в свою очередь, обусловлена наличием противоречий между интересами общества и индивидуальными, групповыми, коллективными интересами, в условиях ограниченности производства материальных благ². Наличие противоречий, связанное с ограниченными возможностями удовлетворения материальных потребностей, уже означает наличие обособленности, которое не устраняется системой планирования и распределения, но смягчается и может работать на гармонизацию интересов индивидуума, коллектива и общества при использовании товарно-денежных отношений.

Для дальнейшего рассмотрения является принципиальным ответ на следующий вопрос: являются ли товарное производство и деньги необходимыми элементами социализма или они сохраняют свое существование при социализме в силу его незрелости. Детальный и доказательный ответ на этот вопрос мы дали в нашей

¹ Колганов, 2021. С. 22.

² «Товарное отношение имеет многостороннее основание. При социализме его непосредственной основой являются относительная экономическая обособленность членов общества как тружеников, разнокачественность их труда. Общественный учет труда каждого отдельного производителя осуществляется не непосредственно, а через продукт предприятия. Это обуславливает относительную экономическую обособленность предприятий в рамках единого общенародного планомерного производства» (Цаголов, 1974. С. 280).

работе (Эпштейн, 2015). Этот ответ следующий: товарное производство и деньги являются необходимыми элементами производственных отношений социализма, понимаемого как непосредственно-общественное производство, в котором выполняются известные требования распределения по труду, сформулированные Марксом в «Критике Готской программы»¹. По мере развития социализма и движения к полному коммунизму, причем на весьма высокой ступени развития производительных сил, будет происходить не ограничение сферы действия товарно-денежных отношений, а постепенное уменьшение потребности в материальных стимулах к труду, в материальном стимулировании труда для повышения эффективности общественного производства, в соответствующем изменении потребностей и поведения работников и коллективов. Но такое уменьшение потребности в материальных стимулах будет одновременно означать завершение социализма как специфической фазы коммунистической общественной формации. Попытки же снятия товарно-денежных отношений при социализме будут неизбежно приводить к уменьшению эффективности общественного производства и соответствующим потерям с необходимостью восстановления значимой роли товарно-денежных отношений.

Однако попытки воплотить предсказание Энгельса (и Маркса) о снятии товарно-денежных отношений по мере перехода к отношениям общественной собственности на средства производства, безусловно, сыграли существенную негативную роль уже в период военного коммунизма. Это предсказание было также одним из обоснований отказа от «НЭПа» в конце 20-х годов. В этой работе мы попытаемся проследить, как рождалось данное предсказание в работах Энгельса, оказавшееся ошибочным, чем оно обосновывалось, были ли шансы избежать этой ошибки.

Аргументация Энгельса о перспективе частной собственности и товарного производства в ранних работах (бедствия трудящихся, устранение конкуренции, противоречия интересов, теория Мальтуса, сострадание к угнетенным)

«Анти-Дюринг» был написан в 1876-1878 годах (Энгельс, 1961b. С. VII). Но уже в значительно более ранних работах Энгельса звучит тезис об уничтожении частной собственности как главного условия перехода к новому обществу и, соответственно, исчезновения товарного производства. Так, в работе «Принципы коммунизма», написанной двадцатисемилетним Энгельсом осенью 1847 года, за год до создания «Манифеста коммунистической партии», говорится: «Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности» (Энгельс, 1955с. С. 330).

Чем же в данном случае Энгельс аргументирует тезис об уничтожении частной собственности? Он выводит его из необходимости централизованного управления, которое должно привести к уничтожению конкуренции и бедствий трудящихся при капитализме, к созданию нового общественного строя:

¹ «...Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай» (Маркс, 1961. С. 18).

«4-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй? Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т.е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована...» (Энгельс, 1955с. С. 329-330).

Здесь логика такова: прежний строй, безусловно, плох, так как несет непоправимые бедствия подавляющему большинству населения, которые обусловлены конкуренцией не связанных друг с другом производителей. Если заменить такое производство ассоциированным производством в интересах общества и по общественному плану, то бедствия прежнего общества исчезнут. А это означает уничтожение частной собственности. Но при такой логике остаются не выясненными очень важные вопросы: возможно ли в принципе такое общественное производство по единому плану, будет ли оно экономически более эффективным, не принесет ли оно новые бедствия. Для молодого Энгельса этого вопроса не существует, хотя сама по себе критика негативных сторон капитализма не доказывает, что уничтожение его конституирующих институтов приводит к более совершенному обществу. С точки зрения логики – это отдельный самостоятельный вопрос, каким окажется общество, которое придет на смену капитализму, можно ли сделать его более совершенным и как это сделать.

Приходится признать, что Энгельс в данном случае уже до написания этой работы пришел к выводам о необходимости движения к обществу без частной собственности (коммунизму) и, соответственно, к необходимости уничтожения частной собственности как пути к этому новому, лучшему обществу. Последовательность вопросов в работе «Принципы коммунизма» оформляет это уже сформулированное Энгельсом мнение.

В связи с этим возникает вопрос, когда же сформировалась эта позиция Энгельса и что явилось для нее основанием. Для этого обратимся к еще более ранним работам.

Уже в работе «Наброски к критике политической экономии» (Энгельс, 1955b), написанной в конце 1843-январе 1844 года, Энгельс говорит о ликвидации частной собственности и уничтожении в связи с этим обмена, а значит, и товарного производства: «Когда частная собственность будет уничтожена, то нельзя будет больше говорить об обмене в том виде, в каком он существует теперь (Энгельс, 1955b. С. 553). ...Так как частная собственность изолирует каждого в его собственной грубой обособленности и так как каждый все-таки имеет тот же интерес, что и его сосед, то землевладелец враждебно противостоит землевладельцу, капиталист – капиталисту и рабочий – рабочему. В этой враждебности одинаковых интересов, именно вследствие их одинаковости, завершается безнравственность нынешнего состояния

человечества, и этим завершением является конкуренция» (Энгельс, 1955b. С. 559). В данном случае отрицание частной собственности Энгельс связывает с тем, что она порождает безнравственность «нынешнего состояния человечества».

Далее следует ее отрицание, аргументируемое попыткой философского анализа того факта, что частная собственность порождает противоречие интересов общества и частных интересов: «В интересах отдельного человека – владеть всем, в интересах же общества – чтобы каждый владел наравне с другими. Таким образом, общий и частный интересы диаметрально противоположны» (Энгельс, 1955b. С. 560). Надо признать, что такое абстрактно-философское противопоставление интересов отдельного человека и общества не является зрелым, ибо не в интересах отдельного человека «владеть всем», если другие люди также не владеют всем. Но такое владение «всеми всем» не устраняет проблему ограниченности объектов владения (даже если каждый в обществе владеет всем), которую как раз и решает частная собственность. Такое «владение всеми всем» может быть с определенной степенью точности отнесено к духовным объектам¹ – объектам культуры и т.п., но никак не к производимым экономикой материальным благам, количество которых всегда ограничено².

И далее: «Если бы производители как таковые знали, сколько нужно потребителям, если бы они организовали производство, распределили его между собой, то колебания конкуренции и ее тяготение к кризису были бы невозможны. Начните производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, и вы избавитесь от всех этих искусственных и несостоятельных противоположностей» (Энгельс, 1955b. С. 561). Здесь Энгельс априори полагает, что отмена частной собственности и введение планирования привела бы к устранению конкуренции и кризисов. Это априорный взгляд, хотя и правдоподобный, но...не более того, как показала история.

Очень важно также видеть, что в процитированном отрывке середины XIX века предполагается, что устранение частной собственности и переход к ассоциированному производству автоматически устраняют и противоречия между индивидуальными и общественными интересами, что на самом деле, также является лишь гипотезой.

Существенным фактором к становлению Энгельса как сторонника уничтожения частной собственности оказалась теория Мальтуса об отставании роста производительной силы земли от роста населения. Резко критикуя эту теорию, характеризуя ее как «...гнусную, низкую доктрину, ...отвратительное кощунство против природы и человечества»³, Энгельс говорит: «...Теория Мальтуса была, впрочем, безусловно, необходимым переходным моментом, бесконечно продвинувшим нас вперед»⁴. При

¹ Мы говорим «об определенной степени точности», потому что владение духовными объектами предполагает индивидуальную духовную работу, которая доступна не всем в равной мере и существенно зависит от индивидуальных способностей. Как известно, не каждый в состоянии прочесть Библию, «Капитал» или «Войну и мир» Л. Толстого, понять и в этом смысле «присвоить» теорию относительности и т.д.

² Опыт показывает, что попытки ввести бесплатность каких-либо производимых экономикой материальных благ, даже относительно дешевых и доступных, быстро ведет к их неадекватному использованию и к дефициту, а, с другой стороны, к сокращению стимулов к их производству.

³ Энгельс, 1955a. С. 565.

⁴ Энгельс, как видно далее, имеет в виду, что для опровержения теории Мальтуса необходимо исследовать факторы развития производительных сил и противоречия капиталистического производства, разрешаемые уничтожением частной собственности.

ее посредстве, как и вообще при посредстве политической экономии, мы стали обращать внимание на производительную силу земли и человечества и, преодолев эту экономическую систему отчаяния, навсегда гарантировали себя от страха перед перенаселением. Из теории Мальтуса мы черпаем самые сильные экономические аргументы в пользу социального преобразования... Она показала нам, как в конце концов частная собственность превратила человека в товар, производство и уничтожение которого тоже зависит лишь от спроса; как вследствие этого *система конкуренции убивала и ежедневно убивает миллионы людей; ...все это побуждает нас покончить с этим унижением человечества путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов*» (Энгельс, 1955а. С. 567) (выделено нами – ДЭ). Таким образом, важным фактором негативного отношения молодого Энгельса к частной собственности и перехода на позиции коммунизма явилось человеческое сочувствие, сострадание многомиллионным жертвам капиталистической конкуренции, рабочему классу.

Если же обратиться к первой из опубликованных работ юного Энгельса «Письма из Вупперталя», написанной в первой четверти 1839 года, то уже и в ней ясно видно, что им во многом руководит сочувствие сострадание к рабочим и к иным угнетенным слоям общества, а также растущая ненависть к угнетателям: «Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, – и в большинстве случаев, начиная уже с шестилетнего возраста, – прямо предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и иссушают свой спинной мозг у жаркой печки... Среди низших классов господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; ...в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках – только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему» (Энгельс, 1955а. С. 455-456).

Остается вопрос, откуда появилось у юного Энгельса уверенность в том, что именно частная собственность является причиной угнетенного положения рабочего класса, а уничтожение частной собственности позволит ликвидировать эксплуатацию и обеспечить достойный уровень жизни эксплуатируемых и общественное процветание? Выше мы видели, что в «Набросках к критике политической экономии» Энгельс стремится вывести негативное воздействие частной собственности из философского анализа противоположности интересов, порождаемого ею. Возможно, это результат его интереса к философии, изучения ее в университете и сближения с кружком младогегельянцев (1842 год)¹. К выводам о необходимости уничтожения частной собственности приводили труды ряда французских просветителей – Мелье (1664-1729), Руссо (1712-1778), Морелли (1717-1778), Мабли (1709-1785) и ряда деятелей Великой Французской революции, прежде всего, Бабефа (1760-1797)². Во всяком случае, Энгельс и Маркс, будучи молодыми, уже знали этих авторов и в 1845 году относили ряд французских просветителей к тем, кто внес существенный вклад в развитие социалистической мысли (Застенкер, 1985. С. 155).

¹ Большая Советская энциклопедия. Энгельс Фридрих. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/8445/engels-fridrih.htm> (дата обращения: 08.02.2021).

² Застенкер, 1985. С. 116-163.

К выводам о необходимости уничтожения частной собственности его также подводит, как мы видели, работа Мальтуса.

Дальнейшее изучение политэкономии, философии, истории приводит Энгельса к выводу о том, что Англия, и Франция, и Германия порождают коммунистическое учение как учение об упразднении частной собственности, но каждая страна по-своему приходит к этому выводу: «Англия, Франция и Германия – пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоящей и неотвратимой необходимостью... Факт этот неопровержимо доказывает, что коммунизм – не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации... Англичане пришли к нему практическим путем, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы – политическим путем, отправляясь от требования политической свободы и равенства, но, убедившись, что этого недостаточно, они присоединили к своим политическим требованиям требования социальной свободы и социального равенства; немцы же стали коммунистами философским путем, путем размышления над основными принципами. При таком происхождении социализма в этих трех странах не может не быть разногласий по второстепенным вопросам... И если это будет достигнуто (чтобы коммунисты трех стран узнали друг друга – ДЭ), то я не сомневаюсь, что все они будут горячо желать успеха своим зарубежным братьям-коммунистам» (Энгельс, 1955d. С. 525-526). Это написано осенью 1843 года в работе «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (Энгельс, 1955d. С. 525-541), в которой Энгельс рассматривает причины распространения коммунистических идей в Англии, Франции и Германии. Этот факт практически одновременного распространения идей коммунизма в наиболее развитых странах Европы, хотя и выработанных разными путями, также служит Энгельсу подтверждением правильности этих идей. В этой же работе Энгельс пишет о Вейтлинге – рабочем, который был основателем первой коммунистической организации немецких рабочих¹. Интересно, что в этой работе уже намечается выявление трех источников коммунистического учения – английской политической экономии, французского социализма (утопического и революционного) и немецкой классической философии, позже развитое в работе «Развитие социализма от утопии к науке» (Энгельс, 1961а. С. 185-230).

В 1843 году Энгельс знакомится с чартистами, сотрудничает с ними и даже вступает в партию чартистов². Параллельно он знакомится с направлениями коммунистического движения в Германии и во Франции.

Таким образом, на наш взгляд, позиция Энгельса по вопросу уничтожения товарного производства и частной собственности, формировалась, прежде всего, как результат сочувствия угнетенным и эксплуатируемым, прежде всего, рабочим, наблюдения иных острых противоречий становления капитализма, ознакомления с передовой для начала 40-х годов XIX века философской и политэкономической

¹ Большая Советская энциклопедия. Вейтлинг. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Вейтлинг> (дата обращения: 08.02.2021).

² Большая Советская энциклопедия. Энгельс Фридрих. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/8445/engels-fridrih.htm> (дата обращения: 08.02.2021).

литературой Англии, Франции и Германии, а также с реальными деятелями коммунистического движения.

Представляется, что именно личное знакомство в 1843 году с чартистами, а также знакомство с Вейтлингом и другими рабочими – крупными деятелями нарождающегося рабочего коммунистического движения окончательно делает его убежденным сторонником коммунизма как уничтожения частной собственности и создания на этой основе общества равенства и социальной справедливости.

Концепция простоты управления при устранении частной собственности и реальная сложность экономики

Вернемся к вопросу о нетоварности производства при социализме как результате устранения частной собственности. Почему Энгельс (и Маркс) были уверены в нетоварности этого производства?

Посмотрим еще раз на соответствующую мысль Энгельса:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» (Энгельс, 1961а. С. 227).

В основе логики данного вывода Энгельса лежит, как мы видим, во-первых, представление о том, что, если средства производства принадлежат обществу, то исключен обмен между производителями, примерно также, как исключается обмен между работниками одного предприятия. За этим выводом стоит уверенность в том, что все общественное производство (во всяком случае, крупное) одной страны так же легко обозримо, как и производство на одном предприятии, а, значит, и легко может управляться и планироваться сверху, централизованно. А мелкое и среднее производство постепенно будет уничтожаться конкуренцией еще при капитализме.

В целом, надо признать, что эта концепция простоты управления общественным производством кажется на первый взгляд естественным или даже очевидным выводом из предположения господства общественной собственности. Но возникает вопрос: если все же масштабы общественного производства окажутся столь большими, что эффективно (своевременно, точно, в соответствии с возможностями производителей и потребностями общества и т.д.) управлять им из единого центра окажется невозможно, и управленческие сигналы не будут отвечать ни возможностям конкретных производителей (от них будет требоваться больше или меньше, чем они могут произвести), ни потребностям общества (запланированные объемы по различным видам продукции не будут соответствовать запросам потребителей)?! Как в таком случае будет осуществляться управление?! На этот вопрос у Энгельса мы не находим ответа, и это вопрос для него пока не существует.

Однако этот вопрос имеет право на существование, ибо сложность экономики, как правило, растет с ее ростом. Можно попытаться оценить этот рост сложности. Какими показателями воспользоваться для этого, если учесть, что происходит не только количественный рост масштабов (объем производства в постоянных ценах, количество занятых работников, объемы применяемого капитала и т.д.), но и качественное усложнение многих видов продукции, прежде всего, машин и оборудования? Мы воспользуемся в качестве первого приближения показателем стоимости

машин и оборудования в постоянных ценах, так как такой показатель, очевидно, отражает в определенной степени и количественные, и качественные изменения общественного производства. У А. Мэддисона можно найти требуемые данные за 1870-2003 годы по трем странам: США, Великобритании, Японии (Мэддисон, 2012. С. 580-581).

Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1
Рост масштабов и сложности экономики США, Великобритании и Японии (в долл. 1990 г.)

	США 1870	США 1929	США 2003	Велико- британия 1870	Велико- британия 1929	Велико- британия 2003	Япония 1870	Япония 1929	Япония 2003
Население, тыс. чел.	40241	122245	290343	31393	45672	60095	34437	63244	127214
Занято, в экономике, тыс., чел.	14720	47904	139236	13157	18936	28716	18684	29332	63160
Доля занятых в с/х, %	50	21,1	2,0	22,7	7,7	1,2	70,1	50,3	4,6
Доля занятых в промыш- ленности, %	24,4	29,4	20,0	42,2	45,2	23,5		20,9	28,8
Доля занятых в сфере услуг, %	25,6	49,5	78,0	35	47,1	75,3		28,8	66,6
ВВП, млн долл.	98374	843334	8430762	100179	242068	1280625	25393	128115	2699261
Стоимость машин и обо- рудования, млн долл.	19695	485301	9360800	10786	64678	858796	н/д	55344	3973086
ВВП на душу, долл.	2495	6899	29037	3191	5300	21310	737	2026	21218
ВВП на час. труда, долл.	2,25	7,52	38,92	2,55	5,59	30,69	0,46	1,85	24,86
Стоим машин и оборудо- вания к ВВП, в %	20,0	57,5	111,0	10,8	26,7	67,1	0,0	43,2	147,2
Рост сложности эконо- мики: рост стоимости машин и оборудования к пред. периоду, раз		24,6	19,3		6,0	13,3	н/д		71,79

Источник: (Мэддисон, 2012. С. 580-581).

Остановимся на периоде с 1870 года по 1929 год. 1870-ый год – этот момент соответствует состоянию экономики, которое могли непосредственно наблюдать Энгельс и Маркс, а 1929-ый год – это год, когда в СССР начали активно отказываться от НЭПа (от частной собственности и связанных с ней товарно-денежных отношений) и переходить к прямому централизованному управлению экономикой, ссылаясь, в том числе, на предсказания Маркса и Энгельса. Если обратиться к полученным данным, то мы, прежде всего, видим существенный количественный рост экономики и по числу занятых (в США в 3,2 раза, в Великобритании в 1,4 раза, в Японии – в 1,6 раза), и по ВВП (в США в 8,6 раза, в Великобритании в 2,4 раза, в Японии – в 4,9 раза)¹. Отметим, что этот колоссальный количественный рост экономики произошел в период, для которого Энгельс и Маркс предсказывали кризисное разви-

¹ Мы не приводим соответствующие столбцы, так как с ними таблица была бы чрезмерно широкая.

тие капиталистической экономики из-за несоответствия общественного характера производства способу присвоения.

Сложность же экономики, измеряемая стоимостью машин и оборудования в постоянных ценах, выросла в США за данный период 24,6 раза, в Великобритании – в 6 раз. Это означает, что рост сложности в 2,5-3 раза на данном 50-летнем отрезке обгонял количественный рост (рост масштабов) экономики! Совершенно очевидно, что такой колоссальный рост сложности экономики ставит серьезные задачи перед централизованным управлением общественным производством. Управлять им «как единой фабрикой», безусловно, невозможно, прежде всего, потому что фабрика производит относительно небольшое число существенно разных видов продукции, в то время как общественное производство таких видов продукции на несколько порядков больше. Если для фабрики это число может составлять порядка десяти, то общественное производство – сотни тысяч и миллионы видов продукции, то есть на 5-7 порядков больше. Для кардинально иных масштабов нужны кардинально иные методы.

Энгельс против сомневающихся в исчезновении товарного производства и денег при социализме

В связи со сказанным интересно, были ли возражающие Энгельсу сторонники социализма, подвергавшие сомнению тезисы об исчезновении товарного производства и денег при ликвидации частной собственности, и если да, то какими аргументами он отвечал им?

Были. Можно назвать, например, Карла Гейнца, немецкого (впоследствии американско-немецкого) публициста радикально-демократического направления, как его характеризовала Большая Советская Энциклопедия (первое издание). «Гейнцен нападал и на «истинных социалистов» за их равнодушие к политике, а также и на Маркса и Энгельса за провозглашенный ими лозунг классовой борьбы пролетариата, что вызвало резкую отповедь со стороны Энгельса, а затем и Маркса... Большой заслугой Гейнца является его агитация за отмену рабства» (Гейнцен, 1929).

В отношении частной собственности Гейнцен предлагал некоторые меры по ее ограничению, о чем мы узнаем в изложении Энгельса. «То единственное у Гейнца, что можно было бы признать, он позаимствовал у коммунистов, тех самых коммунистов, на которых он так резко обрушивается. Да и это в его руках превратилось в сплошную нелепость и в чистую фантазию. Все мероприятия с целью ограничения конкуренции и накопления крупных капиталов в руках отдельных лиц, всякое ограничение или упразднение права наследования, всякая государственная организация труда и т.д. – все эти мероприятия в качестве революционных мероприятий не только возможны, но даже необходимы. Они возможны потому, что весь восставший пролетариат стоит за них и прямо поддерживает их вооруженной рукой... Они возможны как подготовительные мероприятия, как переходные промежуточные ступени к упразднению частной собственности, но только в качестве таковых. Но г-н Гейнцен требует этих мероприятий как незыблемых и конечных мероприятий. Они ничего не должны готовить, они должны быть окончательными. Они для него не средство, а цель...» (Энгельс, 1955е. С. 273). Поэтому Энгельс резко возражает против указанных, ограничиваю-

щих частную собственность мер в рамках буржуазного государства: «Буржуазные экономисты совершенно правы, когда они, в противовес Гейнцену, изображают эти мероприятия как реакционные по сравнению со свободной конкуренцией. Свободная конкуренция есть последняя, высшая, наиболее развитая форма существования частной собственности. Все мероприятия, следовательно, имеющие своей предпосылкой сохранение частной собственности и все же направленные против свободной конкуренции, – реакционны и клонятся к восстановлению низших ступеней развития собственности. Поэтому в конечном счете они должны опять-таки потерпеть крушение благодаря конкуренции...» (Энгельс, 1955e. С. 273). Но Гейнцен, как мы видим, предлагал то, что было на деле осуществлено социал-демократами, начиная с 20-х годов XX века и вполне оправдало себя экономически и политически. Доктринерское и практически не аргументированное анализом возможных противоречий будущего общества утверждение, что «свободная конкуренция есть последняя, высшая, наиболее развитая форма существования частной собственности», оказалось несостоятельным именно потому, что ситуация конца 50-х годов XIX века рассматривалась Энгельсом как окончательная... Возможности ее изменения он тогда не видел, хотя законодательная деятельность государства по регулированию производственных отношений капитализма, пусть в зачаточном виде, уже существовала в тот период, например, в виде фабричного законодательства Англии (Энгельс, 1955f. С. 400).

Достается Гейнцену и за то, что он находит какие-то аргументы против уничтожения частной собственности. Энгельс приводит некоторые из доводов Гейнца: «Упомянутым упразднением всякой частной собственности коммунизм неизбежно упраздняет также и самостоятельное существование отдельных лиц... Следствием этого является опять-таки зачисление каждой отдельной личности в казарменное хозяйство, организованное приблизительно наподобие общины... Этим коммунизм уничтожает индивидуальность... независимость... свободу» (Энгельс, 1955e. С. 283). На это Энгельс отвечает, по сути дела, лозунгом: «Старый вздор «истинных социалистов» и буржуа. Как будто современные индивиды, ставшие вследствие разделения труда помимо их воли сапожниками, фабричными рабочими, буржуа, юристами, крестьянами, т.е. рабами определенной профессии и соответствующих ей нравов, образа жизни, предрассудков, ограниченности и т.д., обладают еще какой-то индивидуальностью, которую можно было бы уничтожить!» (Энгельс, 1955e. С. 283). Этот ответ ложен, ибо, несмотря на угнетенное состояние рабочих, крестьян, «рабов определенной профессии», большинство из них, безусловно, обладали индивидуальностью. Справедливым, как показал опыт России, оказалось и то, что полное упразднение частной собственности, произведенное в порядке скоротечных революционных мероприятий, упраздняло не только буржуазию, но «самостоятельное существование отдельных лиц», что, конечно, не имело ничего общего со «свободной ассоциацией». Их существование становилось целиком зависимым от экономической и социальной политики только что созданного государства. К сожалению, примеров, более успешного упразднения частной собственности, за исключением социал-демократического ее регулирования, история пока не знает.

Предсказания Энгельса по поводу денег при социализме

Обратимся к предсказаниям Энгельса по поводу судьбы денег. В середине XIX века казалось логичным, что исчезновение товарного производства в результате упразднения частной собственности и перехода к ассоциированному планомерному, централизованно-управляемому производству должно сопровождаться исчезновением денег, ибо исчезает обмен. Поэтому с позиций исчезновения товарного производства Энгельс критикует вульгарного материалиста Дюринга, который предполагал сохранение при социализме товарообмена, стоимости и металлических денег.

Энгельс опровергает Дюринга тем, что использование металлических денег при социализме привело бы к созданию ростовщиков, богатых и бедных..., и в итоге от социалистических принципов равенства ничего не остается. Он пишет: «На мировом рынке золото и серебро остаются мировыми деньгами... А вместе с этой ролью благородного металла возникает для отдельных членов хозяйственной коммуны новый мотив к образованию сокровищ, к обогащению, к ростовщичеству. ... Ростовщики превращаются в торговцев средствами обращения, в банкиров, в господ, владеющих средствами обращения и мировыми деньгами, а, следовательно, в господ, захвативших в свои руки производство и самые средства производства...» (Энгельс, 1961b. С. 316). Главный аргумент тут связан не с наличием именно металлических денег, а с тем, что неравенство в доходах якобы неизбежно будет порождать ростовщичество...и возможность частным лицам захватить средства производства. Но ведь общество легко может воспрепятствовать таким тенденциям, как минимум, сделать их теневыми, свести, таким образом, к минимуму¹.

Энгельс полагает, что «трудовые квитанции, трудовые марки», предлагаемые еще Оуэном, не могли бы привести к тем же злоупотреблениям, что и мировые деньги. Он пишет: «Во-первых, для такого злоупотребления оуэновскими трудовыми марками было бы необходимо предварительное превращение их в действительные деньги, между тем как г-н Дюринг предполагает ввести действительные деньги, но хочет запретить им функционировать иначе, чем в качестве простых трудовых марок...» (Энгельс, 1961b. С. 317). Между тем, трудовые квитанции при их реальном использовании очень быстро превратились бы в средство платежа, обмена, а также в средство накопления, то есть в деньги². Замена же металлических

¹ На деле вовсе не «ростовщичество» и экономическое неравенство стали основными причинами крушения первого социалистического государства, а недостаточное развитие как экономических, так и политических прав трудящихся.

² Применение «трудовых квитанций» будет неизбежно связано с ситуациями, когда работник при ассоциированном производстве приходит на склад для получения требуемых ему предметов потребления, а они находятся не в полном объеме. Ему предлагается подождать, а вместо прежней квитанции ему на этом складе выдают новую, на оставшуюся без применения сумму трудовых часов. Если работнику нужен предмет, который «стоит» большого количества трудовых часов, ему придется накапливать такие квитанции. При этом он при желании должен иметь возможность часть их использовать на текущие цели. Получается, что работник склада, выдающего продукты и другие предметы потребления, становится главным лицом, способным менять одни квитанции на другие, выдать продукцию со склада, если она в дефиците, или не выдать и т.д. Это чревато большими злоупотреблениями, которые практически исключены при использовании денег, которые имеют хождение между работниками и обществом и легко размениваются, контролируются государством и не зависят от произвола работников склада и других функционеров системы распределения. При возникновении дефицита и гибком ценообразовании, отвечающем соотношению спроса и предложения, злоупотребления типа «черного рынка», как показывает опыт, снимаются.

денег «трудовыми квитанциями», предлагаемая Энгельсом, не снимает проблемы экономического неравенства при социализме, ибо это неравенство покоится на неравенстве способностей и жизненных обстоятельств людей...

Дюринг, таким образом, при всем множестве его механистических, метафизических и эклектических ошибок, в целом, оказался точнее в своем прогнозе необходимости сохранения денег при социализме¹. Правда, Энгельс нащупал важную для социализма проблему неравенства в доходах, но ему казалось, что от нее можно уйти с помощью трудовых квитанций.

Реальный социализм, имевший место в СССР, никогда не порывал полностью ни с товарным производством, ни с производством для обмена, ни с деньгами именно из-за наличия экономической обособленности индивидов и коллективов, не устранимой при социализме². Существенные различия в доходах, наличие богатых и бедных также имели место в СССР, хотя, разумеется, эти различия были намного меньшими, чем в капиталистических странах. При этом ростовщики в СССР могли быть только подпольные.

Интересно, что Маркс детально обосновал неизбежность значимых различий по уровню доходов в первой фазе коммунизма уже в «Критике Готской программы», написанной в 1875 году, за два года до «Анти-Дюринга», но это не было учтено, как мы видели, Энгельсом.

Стимулирование эффективности производства – центральный пункт экономического механизма при социализме

Однако главный вопрос экономического механизма – это не вопрос регулирования потребления, а вопрос стимулирования более высокой эффективности труда на благо общества. Именно это оказалось ключевым вопросом для становления и успешного развития социализма. Энгельс, как и Маркс, исходил из постулата о том, что при переходе к общественной собственности на средства производства определить общественную потребность в любых необходимых видах продукции и вычислить требуемое для этого количество рабочего времени будет *просто*, и для этого не нужно будет прибегать к такому окольному и сложному способу стимулирования как стимулирование посредством организации обмена между производителями и введения института денег.

Если уже известны наиболее выгодные виды продукции, то распределить их производство между производителями с учетом их производительности труда оптимально – не самая трудная задача экономического механизма, который должен существовать при социализме, хотя это тоже отнюдь не простая, а сложная, многомерная математическая задача, так как имеются миллионы видов продукции и, как минимум, сотни тысяч производителей. Главный же вопрос в другом: каким должен быть экономический механизм, который побуждает сотни тысяч и

¹ Интересно, что «Плеханов в 1878 году причислял Дюринга, наряду с Родбертусом, Энгельсом и Марксом к блестящей плеяде представителей позитивного периода в развитии социализма» (Дюринг, 1931. С. 785).

² Имеют место взгляды, что в СССР вообще не было социализма, а был государственный капитализм или «недосоциализм» и т.п. Эти взгляды обстоятельно критикуются в нашей работе (Эпштейн, 2016). Обращаем внимание также на то, что если в СССР, несмотря на все усилия и жертвы, не был построен социализм, то это, возможно, еще одно свидетельство определенной утопичности взглядов основоположников марксизма.

миллионы производителей создавать наиболее эффективные виды продукции по собственной инициативе, так как обществу (плановым органам общества) эти виды продукции не известны до тех пор, пока они не созданы и не апробированы.

При капитализме эту функцию выполняет механизм конкуренции в процессе обмена, который вызывает соответствующие колебания цен и доходов...при всех известных его недостатках и противоречиях. Чем заменить при социализме этот стимулирующий механизм рыночной конкуренции, если отсутствуют товарообмен, рынок, рыночная цена и т.д.?

На какое-то время его может заменить энтузиазм масс, вызванный появлением нового строя, появлением власти, активно работающей в интересах трудящихся. Однако опыт СССР показал, что планомерное общественное производство, если оно ликвидирует конкуренцию между производителями, то ликвидирует и стимулы к максимально-эффективному труду¹. Энтузиазм важен, но он не заменяет стимулов. На этапе планирования, если нет рынка, производитель заинтересован, чтобы получить наиболее понятный и наиболее выполнимый план. А на этапе выполнения плана – не слишком перевыполнить, так как перевыполнение увеличивает напряженность плана следующего года². Оказалось, что устранение частной собственности и переход к ассоциированному производству вовсе не устраняют автоматически противоречия между индивидуальными и общественными интересами, хотя смягчают их и создают возможности для более гармоничного развития.

Но именно товарный обмен и деньги в сочетании с конкуренцией создают при капитализме действенный механизм стимулирования каждого производителя и каждого предприятия к снижению своих затрат, как минимум, до уровня общественно необходимых, а также механизм поиска новых видов продукции и новых способов производства (предпринимательство). А прямое установление заданий общества по объемам производства постепенно уничтожает этот механизм, уничтожает предпринимательство и исключает большинство людей из влияния «делом» на процессы производства, даже если они участвуют в обсуждении («словом») планов своих предприятий.

В этом, в конечном счете, скрывалась глубинная причина постепенного снижения темпов роста и эффективности общественного производства в СССР и в странах социалистического лагеря³.

Кстати говоря, в другой работе (не в «Анти-Дюринге») Энгельс предупреждал о последствиях игнорирования закона стоимости, критикуя Родбертуса: «...Если же мы теперь спросим, какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под горами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк, то Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, согласно которому за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки, за каждую не пришитую к брюкам пуговицу

¹ Подробно мы доказываем это в работе (Эпштейн, 2015).

² К сожалению, этими недостатками страдали экономические системы всех социалистических стран, а не только СССР.

³ При этом темпы роста общественного производства в СССР и РСФСР в 1986-1990 годах были существенно выше, чем в России за 1992-2019 годы и в послекризисные 2013-2019 годы (Эпштейн, 2020).

выдана правильная расписка, расчет, в котором все в точности «совпадает»...» (Энгельс, 1961с. С. 189-190).

Эта цитата из Энгельса активно использовалась в конце 80-х годов в СССР как иллюстрация проблем советского планирования, хотя она относилась совсем к иному времени и к иному проекту (Лисичкин, 1998). Родбертус разрабатывал в 40-е годы XIXвека путь перехода к социализму, к государственному социализму¹. Он предлагал для этого «справедливый обмен», когда квитанция об отработке определенного количества часов обменивается на складе общества на продукты соответствующей ценности.

Но где гарантия, что нужное количество товаров в нужной пропорции будет произведено, фактически спрашивает Энгельс? В общественном планировании производства? А кто доказал, что оно будет достоверным? Нужен проверенный экономический механизм, а не ссылка на планирование. Родбертус, очевидно, не прав, не поставив вопрос об экономическом механизме. Но ведь и Энгельс не прав, ибо тот же вопрос о гарантиях качества планирования можно поставить по отношению к системе общественной собственности на средства производства, которую он отстаивал и популяризировал всю сознательную жизнь. Опыт СССР показал, что экономика социализма не может быть только плановой, лишенной механизмов, подобных механизму обмена и рынка, она должна быть планово-рыночной, то есть сочетать элементы, институты плана и рынка, причем так, чтобы не исказить, не калечить ни тот, ни другой механизм.

Заметим, что Г.В. Плеханов в своей довольно большой и подробной книге о политэкономических исследованиях Родбертуса² и при серьезной критике его ошибок, в целом отозвался о Родбертуса позитивно³.

Энгельс о распределении при социализме и против более высокой оплаты более квалифицированного труда

Каким же способом должно осуществляться распределение при социализме, если не в соответствии с «трудовыми квитанциями», отражающими «трудовой вклад»?

Энгельс отрицает возможность того, что распределение при социализме будет представлять собой нечто, подобное заработной плате, так как заработная плата является ценой товара рабочая сила: «Для социализма, который хочет освободить человеческую рабочую силу от ее положения товара, очень важно понять, что труд не имеет стоимости и не может иметь ее. При таком понимании теряют почву все

¹ «Чтобы быть последовательным, Родбертусу ничего не оставалось, как отказаться от «принадлежащей ему» идеи «конституированной стоимости» и стремиться к новой, планомерной организации всего производительного механизма, в которой не имела бы места современная проти-воположность между индивидуальным и общественным рабочим временем». (Плеханов, 1883).

² Интернет-архив марксистов. (Плеханов, 1883. Том I). URL: https://www.marxists.org/russkij/plekhano/Vol%201/Rodbertus/ch17_00.html (дата обращения: 10.02.2021).

³ «Смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с этим последним... Он усердно и добросовестно трудился над ее (экономической науки – ДЭ) обновлением, не ограничивал поля своего зрения интересами одних высших классов, не утаивал результатов, добытых классической экономией. Все это обеспечивает ему почетное место в истории науки. Верный последователь Смита и Рикардо, он был *бесконечно выше* современных ему вульгарных экономистов». (Плеханов, 1883. Глава XVII).

попытки регулировать будущее распределение средств существования как своего рода высшую форму заработной платы...» (Энгельс, 1961b). Но из того, что труд не имеет стоимости, никак не вытекает, что при социализме должна исчезнуть заработная плата. Правда, она может получить иное название, более отвечающее новому содержанию, например, вознаграждение за труд и т.п., но она должна, очевидно, зависеть от количества и качества труда, от его результатов и, разумеется, от общих результатов, достигнутых обществом, быть заработанной конкретным производителем. Во всяком случае, Маркс в «Критике Готской программы», за два года до создания «Анти-Дюринга» уже писал, что «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, ...каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему... в другой форме» (Маркс, 1961. С. 18)¹.

Далее Энгельс постулирует в «Анти-Дюринге», что распределение должно управляться интересами производства. «...Распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развиваться, поддерживать и проявлять свои способности» (Энгельс, 1961b. С. 206).

Тем самым Энгельс поднимает важный вопрос о том, в чем состоят интересы производства при социализме: в создании условий для всестороннего развития членов общества или в обеспечении максимума производительности. А это, очевидно, не одно и то же. Должен при социализме (при распределении) учитываться только индивидуальный трудовой вклад (как доля в распределяемых результатах общественного труда) или потребности развития данного члена общества и его семьи? В СССР потребности развития каждого члена общества и его семьи учитывались при распределении, но не в определении индивидуального вознаграждения за труд, а через механизм общественных фондов потребления, благодаря которому кружки, клубы, среднее, а затем и высшее образование, здравоохранение были бесплатными для трудящихся, а многодетные семьи получали пособие на детей и т.д. Это, видимо, было правильным решением, так как иной подход при распределении на производстве не только по результатам производства, но, например, введение существенных надбавок с учетом числа членов семьи, вызывал бы возражения членов производственного коллектива как не отвечающий принципу «по труду», во всяком случае, на ранних этапах становления и развития социализма.

В связи с этим вызывает удивление то, что Энгельс выступает против более высокой оплаты более сложного труда при социализме, аргументируя это тем, что обучение при социализме происходит за счет общества. «В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: ...искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т.е. большие стоимости, соз-

¹ Из этого положения можно строго вывести необходимость сохранения товарно-денежных отношений и соответствующих форм экономического стимулирования, что мы показали в работе (Эпштейн, 2015).

данные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную оплату» (Энгельс, 1961b. С. 207).

Стимулирует ли такой подход повышение уровня образования?! А его надо стимулировать, если в качестве цели распределения заявлено стремление «все-сторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» каждому работнику. К тому же надо учитывать, что в процессе получения образования сам работник несет определенные потери, даже если образование бесплатно, но стипендия существенно меньше среднего уровня заработной платы. Повышенная оплата более квалифицированного труда является компенсацией этих потерь. Также в этом вопросе надо различать две величины: 1) затраты индивида и общества на приобретение образования, которым можно поставить в соответствие определенную стоимость (например, стоимость обучения в школе и в вузе в течение 15 лет), и 2) дополнительную стоимость, создаваемую более сложным, более квалифицированным трудом более образованного человека в течение всей его трудовой деятельности, например, в течение 40 лет после завершения обучения. Вторая величина, видимо, существенно больше первой не только потому, что период трудовой деятельности существенно больше периода обучения, но и потому, что дополнительная стоимость, создаваемая за год трудовой деятельности более квалифицированного работника, будет существенно больше средней стоимости года обучения. И, что особенно важно, обучение позволяет работнику находить такие производственные решения, которые, как правило, просто недоступны неквалифицированному работнику или в разы превосходят эффективность решения неквалифицированного работника. Поэтому квалифицированный работник создает за равное рабочее время существенно большие стоимости, чем неквалифицированный (что Энгельс признает). Поэтому работник вправе быть совладельцем дополнительной стоимости, созданной его трудом. В случае равной оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда при социализме мы имели бы не только дестимулирование повышения образования и квалификации, но и эксплуатацию квалифицированных работников со стороны общества.

Случайна ли утопичность предсказаний Энгельса о товарном обмене, деньгах и распределении при социализме

Представления Энгельса об экономике социализма оказались во многом ошибочными, утопическими. Во всяком случае, понимание принципов распределения при социализме, данное Марксом в «Критике Готской программы» (1875), оказалось существенно более близким к тому, что имело место в СССР и других социалистических странах.

В определенной степени повторилась ситуация утопичности предсказаний, сделанных французскими просветителями, о которой прекрасно написал Энгельс: «Мы видели..., каким образом подготовлявшие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму... И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с прежним строем, отнюдь

не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора... Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и обществу разума. Противоположность между богатыми и бедными, вместо того чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий...» (Энгельс, 1961b. С. 207).

История предсказания повторилась, и представления Маркса и Энгельса о социализме оказались очень далеки от того, что представлял собой социализм в СССР и других странах. Случайно ли это? Очевидно, не случайно. Любое видение будущего общества, как правило, чрезмерно привязано к тому, что считается недостатками существующего общества и к тому, как эти видимые недостатки считается возможным преодолеть как можно скорее... и проще. Увидеть противоречия будущего общества очень сложно. Шансы на это есть, но к этому надо очень сильно стремиться, а этому противоречит крайне негативное отношение к противоречиям существующего, подвергаемого революционной критике общества. Отсюда понятные и естественные ошибки утопического характера, неизбежно связанные с предсказанием далекого будущего, теория которого всегда остается совокупностью гипотез. И это вполне отвечает тезису Энгельса: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума» (Энгельс, 1961b. С. 269).

С тем большей осторожностью и ответственностью мы должны относиться сегодня к такому видению будущего социалистического способа производства, которое исходит исключительно из представлений о социализме Маркса и Энгельса 150-летней давности и не учитывает опыт социализма в СССР.

О требовании снижения роли товарно-денежных отношений по мере движения к коммунизму. План Энгельса

Для многих марксистов та мысль, что развитие общества идет от капитализма к коммунизму, сначала в первой, а потом высшей фазе, когда будет устранен обмен, а распределение будет осуществляться по потребностям, служит основанием для того, чтобы предсказывать снижение и ограничение роли товарно-денежных отношений уже при социализме. Дескать, как же без снижения этой роли, если при коммунизме обмен и частная собственность точно, заведомо исчезают, а деньги становятся просто не нужными?! Это примерно то же «простое видение», которым руководствовались Маркс и Энгельс, предсказывая исчезновение товарно-денежных отношений при ассоциированном производстве за «очевидной» ненужностью. И в данном, в сегодняшнем случае присутствует такая же уверенность в отсутствии противоречий между индивидуальными и общественными интересами, но теперь уже при высшей фазе коммунизма. Однако и это не более чем гипотеза. Может быть, учитывая предыдущий опыт, не стоит забегать вперед?! До тех пор, пока сохраняются существенные различия между индивидуальными и общественными интересами и соответствующая им дефицитность

материальных благ, до тех пор в экономике должны будут использоваться товарно-денежные отношения, материальное стимулирование, прибыль как один из ориентиров производства и т.д.

Стоит вспомнить, что Энгельс в «Принципах коммунизма» предсказывал эволюционное, отнюдь не волюнтаристское исчезновение частной собственности. Тем более, это относится к товарно-денежным отношениям. Так, он писал: «...Нельзя сразу увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства... Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и судовладельцев, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно путем выкупа ассигнатами... Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен... Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать точно в такой же степени, в какой производительные силы страны будут умножаться трудом пролетариата. Наконец, когда весь капитал, все производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними, и производство увеличится в такой степени, а люди настолько изменятся, что смогут отпасть и последние формы отношений старого общества» (Энгельс, 1955с. С. 332-333). По сути дела, Энгельс описывает здесь процесс эволюционной конкуренции планомерного ассоциированного производства и частного производства по типу НЭПа. Экономическая победа ассоциированного производства должна сделать частную собственность настолько невыгодной, что «она отпадет сама собой и деньги станут излишними». Предпосылкой для этого является эволюционное изменение и производства, и самих людей, полагал Энгельс, а отнюдь не отмена частной собственности, и не борьба с товарно-денежными отношениями.

К сожалению, это предвидение юного Энгельса находилось в определенном противоречии с последующими высказываниями его и Маркса о несовместимости социализма и товарного производства, и оно рассматривалось как относящееся лишь к переходному периоду, периоду становления социализма¹.

Что касается сферы безденежных и в этом смысле коммунистических распределительных отношений, то она будет расширяться (и уже более ста лет расширяется) в направлении удовлетворения социальных потребностей (в образовании, здравоохранении, культуре, в сфере содержания детей и пожилых неработающих людей и т.д. при поддержке общества). Эти сферы уже и сейчас очень велики, и они будут развиваться, охватывая все большую часть общественного продукта. Материальное же стимулирование в экономике, а с ним и сфера товарно-денежных

¹ Трудно, в связи с этим, не согласиться с мыслью А.В. Бузгалина: «Энгельс был удивительно умен, гениален в годы революционной молодости. И был последовательно революционен и сердцем, и еще более мощным умом в годы зрелости» (Бузгалин, 2020).

отношений будут сужаться лишь в той степени, в какой будут сближаться индивидуальные и общественные интересы.

Но все же не будем слишком забегать вперед. Помните, как у Маяковского: «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм!» Сначала необходимо построить социализм – социализм XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

Бузгалин А.В. (2020). Оживший призрак. 28 ноября – 200 лет со дня рождения Фридриха Энгельса. М.: Литературная газета. № 47 (6762).

Гейнцен К. (1929). Большая Советская энциклопедия. Т. 15. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия».

Дюринг Е. (1931). Большая Советская Энциклопедия. Т. 23. М.: Советская энциклопедия.

Застенкер Н.Е. (1985). Очерки истории социалистической мысли. М.: Мысль. С. 116-163.

Колганов А.И. (2021). Энгельс в XXI веке. Три очерка // Альтернативы. № 1. С. 5-22.

Лисичкин Г. (1998). Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. № 11. С. 160-187.

Маркс К. (1961). Критика Готской программы. Маркс и Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 19.

Мэддисон А. (2012). Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара.

Плеханов Г.В. (1883). Сочинения. Том I. Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова. Интернет-архив марксистов. https://www.marxists.org/russkij/plekhano/Vol%201/Rodbertus/ch17_00.html

Цаголов Н.А. (1974). Курс политической экономии. В 2-х т. Т. II. Социализм / Под ред. Н.А. Цагорова. М: Экономика.

Энгельс Ф. (1955a). Письма из Вупперталя. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1955b). Наброски к критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1955c). Принципы коммунизма. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1955d). Успехи движения за социальное преобразование на континенте. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1955e). Коммунисты и Карл Гейнцен. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1955f). Положение рабочего класса в Англии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1961a). Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1961b). Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Госполитиздат.

Энгельс Ф. (1961с). Маркс и Родбертус. Предисл. к 1-му немецкому изданию К. Маркса «Нищета философии». Маркс К., Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21.

Эпштейн Д. (2015). Судьбы товарного производства: советские и постсоветские дискуссии // Вопросы политической экономии. № 4. С. 105-118.

Эпштейн Д.Б. (2016). Социализм XXI века. Вопросы теории и оценки опыта СССР. М.: Ленанд. – 528 с.

Эпштейн Д.Б. (2020). Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы // Вопросы политической экономии. №. 1. С. 84-104.

David B. Epshteyn¹

ENGELS ON THE PROSPECTS OF COMMODITY
PRODUCTION AND MONEY UNDER SOCIALISM,
AND THE EXPERIENCE OF REAL SOCIALISM*

Keywords: *Friedrich Engels, socialism, communism, the destruction of private property, the disappearance of commodity-money relations, the USSR.*

This article is devoted to the prediction by Engels that commodity production and money will disappear under socialism, and to providing an explanation of how this prediction arose and on what basis. Logically, this prediction is linked to the thesis on the abolition of private property. An analysis of the works of the young Engels shows that this thesis has its roots in the profound personal impact made on him by the miseries of the workers, and in his sympathy for the exploited and oppressed. Also leading Engels to his conclusions on the need to abolish private property were his familiarity with the works of the French enlightenment and with philosophical literature that was advanced for the 1840s; his participation in the circle of the Young Hegelians; and later, his acquaintanceship with activists of the incipient workers' and communist movement.

The prediction by Engels that commodity production and money would disappear under socialism has not been realised, although he himself grasped the important problem for socialism of income inequality.

Nevertheless, Engels did not pose the main question, which necessarily is that of the economic mechanism of associated production, that impels the producers to create the most efficient means of production on their own initiative. The experience of the USSR shows that directly setting the tasks of society on the basis of production volumes gradually reduces the stimuli to maximise labour efficiency, and excludes the majority of people from influencing the productive processes. The economy of socialism must have a plan-market character, that is, it must combine elements and institutions of both the plan and the market. The real precondition for reducing the role of commodity-production relations, Engels proposed, was the evolutionary transformation both of production and of people themselves. A struggle against commodity-money relations would not aid in this.

---

¹ **David Berkovich Epstein**, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Institute of Agricultural Economics and Rural Development of the St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPC RAS), St. Petersburg, Pushkin, Russia (epsteindb@gmail.com).

* **JEL codes:** B14, B24, N43, O21, P31.

Citation: Epstein D.B. (2021). Engels on the prospects of commodity production and money under socialism and the practice of real socialism. *Problems in Political Economy*. № 3 (27): 70-93.

DOI: 10.5281/zenodo.5554095 (<https://zenodo.org/record/5554095>)

REFERENCES

- Buzgalin A.V.* (2020) A revived ghost. November 28 – 200th anniversary of the birth of Friedrich Engels. M.: Literary newspaper [Literaturnaya gazeta]. №. 47 (6762). (In Russ.)
- Dühring E.* (1931) Great Soviet Encyclopedia. T. 23. M.: Soviet encyclopedia [“Sovetskaya enziklopediya”]. (In Russ.)
- Engels F.* (1955a) Letters from Wuppertal. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T.1. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1955b) Sketches for the criticism of political economy. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 1. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1955c) The principles of communism. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 4. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1955d) Advances in the Continental Social Transformation Movement. K. Marx, F. Engels. Works. Ed. 2nd. T. 1. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1955e) Communists and Karl Heinzen. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 4. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1955f) The position of the working class in England. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 4. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1961a) The development of socialism from utopia to science. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 19. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1961b) Anti-Dühring. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 20. M.: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Engels F.* (1961c) Marx and Rodbertus. Preface to the 1st it. ed. The Poverty of Philosophy. Marx and Engels. Op. Ed. 2nd. T. 21. (In Russ.)
- Epstein D.B.* (2015) The fate of commodity production: Soviet and post-Soviet discussions // Questions of political economy [Voprosypoliticheskoyekonomii]. №. 4. Pp. 105-118. (In Russ.)
- Epstein D.B.* (2016) Socialism of the XXI century. Questions of theory and assessment of the experience of the USSR. M.: Lenand. - 528 p. (In Russ.)
- Epstein D.B.* (2020) Russian stagnation as a result of the influence of production relations on the productive forces // Questions of political economy. [Voprosypoliticheskoyekonomii]. №. 1. Pp. 84-104. (In Russ.)
- Heinzen K.* (1929) Great Soviet Encyclopedia. T. 15. M.: Joint Stock Company «Soviet Encyclopedia» [Akzionernoe obshchestvo “Sovetskaya enziklopediya”]. (In Russ.)
- Kolganov A.I.* (2021) Engels in the XXI century. Three essays // Alternatives. №. 1. Pp. 5-23. (In Russ.)
- Lisichkin G.* (1998) Myths and Reality. Does Perestroika need Marx? // New world [Novyi mir]. №. 11. Pp. 160-187. (In Russ.)
- Maddison A.* (2012) The contours of the world economy in the years 1-2030. M.: Ed. Inst. Gaidar [Isdatel'stvo Instituta Gaydara]. (In Russ.)
- Marx K.* (1961) Criticism of the Gotha program. K. Marx, F. Engels. Op. Ed. 2nd. T. 19. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1883) Works. Volume I. The economic theory of Karl Rodbertus-Yagetsov. Marxists Internet Archive (In Russ.) https://www.marxists.org/russkij/plekhano/Vol%201/Rodbertus/ch17_00.html

Tsagolov N.A. (1974) Political Economy Course. In 2 volumes. Vol. II. Socialism. Ed. N.A. Tsagolova. M.: «Economics» [Ekonomika]. (In Russ.)

Zastenker N.Ye. (1985) Essays on the history of socialist thought. M.: Thought [Mysl']. Pp. 116-163. (In Russ.)